

© 1999 г., ЭО, № 6

В. Волков

МЕСТО РОДНОГО ЯЗЫКА РУССКОЯЗЫЧНОЙ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ЛАТВИИ

Русскоязычная молодежь Латвии (т.е. молодые люди, признающие русский язык своим родным языком независимо от этнического происхождения) составляет значительную часть как среди граждан Латвийской Республики (далее – ЛР), так и среди тех, кто имеет право на приобретение статуса ее граждан, т.е. на натурализацию.

Объективная необходимость интеграционных процессов – важная проблема для любого общества и государства, но особенно она актуальна для тех стран, которые, как и Латвия, еще только находятся на пути формирования демократии. Будущее Латвии зависит от сплочения латышей и многочисленных национальных меньшинств, которые на начало 1998 г. составляли почти 45% всего латвийского населения. Проблема интеграции общества в Латвии актуальна еще и потому, что ее население разделено на две большие группы: граждан ЛР (74% населения) и имеющих статус постоянных жителей Латвии (24% населения, еще примерно 2% составляют лица без гражданства и граждане других государств). Поэтому интеграция латвийского общества немислима без натурализации лиц, которые пока имеют статус постоянных жителей ЛР.

Процесс натурализации начат в 1995 г. В соответствии с латвийским законодательством претендовать на гражданство ЛР в период 1995–1998 гг. могли 148 тыс. чел., подано заявлений на натурализацию 11,2 тыс., а присвоено гражданство всего 10,3 тыс. претендентов. Большая часть постоянных жителей Латвии, имеющая право на натурализацию, не спешит принимать латвийское гражданство. Даже среди русскоязычной молодежи, которая имеет самые высокие показатели владения государственным (латышским) языком среди всех возрастных групп русскоязычного населения, достаточно широко распространено сдержанное отношение к натурализации.

Либеральная и демократическая общественность Латвии полагает, что способствовать интеграции латвийского общества может только такая политика, которая будет учитывать национальные интересы всех групп латвийского общества. Только единство интересов создаст прочную основу для языковой, политической, экономической и иных видов интеграции.

Различные общественно-политические силы в Латвии последние несколько лет внимательно следят как за ходом натурализации русскоязычной молодежи, так и за особенностями комплексной (политической, духовной и социальной) интеграции этой части латвийской молодежи в латвийское общество и государство. Причем интеграционные процессы, какую бы сторону общественной жизни они ни затрагивали, приобретают характер языковой интеграции национальных меньшинств с латышами. При этом нормы демократического государства требуют такой языковой интеграции национальных групп в рамках общелатвийской нации, которая не приводила бы к языковой ассимиляции, а напротив, способствовала сохранению языков национальных меньшинств не только в частной жизни последних, но и в общественной жизни всей страны. Поэтому нормы и гарантии демократии должны распространяться как на государственный язык Латвии, так и на языки национальных меньшинств, среди которых русский выступает самым распространенным в ЛР.

Родной язык русскоязычной молодежи Латвии имеет много социальных функций. Политики, общественные деятели и публицисты чаще всего затрагивают проблему роли русского языка как коммуникативного средства в среде русскоязычного населения Латвии. Несмотря на то что коммуникативная функция русского языка существенно ограничена по сравнению с аналогичной функцией латышского (по латвийскому законодательству, обслуживание сферы государственной жизни принадлежит государственному латышскому языку, возможности использовать русский язык в общественной жизни также ограничены), он продолжает играть важную роль основного средства общения внутри значительной части нелатышского общества. Кроме того, русский язык выступает в качестве основы национальной идентичности самой большой части нелатышского населения страны. Демократические и либеральные силы в ЛР связывают успех демократических процессов в стране с защитой именно этой функции русского языка.

В 1998 г. автор настоящей статьи провел социологическое исследование в университетах Риги и Даугавпилса (на потоках с русским языком обучения) с целью выявить зависимость между мотивами интеграции русскоязычной молодежи в латвийское общество и государством и отношением последней к роли родного языка в этом процессе. В ходе социологического исследования было опрошено 400 студентов. Среди респондентов граждане ЛР составляли 169 чел., постоянные жители – 231 чел., было опрошено 203 женщины и 197 мужчин. Кроме объективных критериев, автор включил в опрос и субъективный – отношение респондентов к возможности и в дальнейшем жить в Латвии. В целом разделение респондентов на подгруппы при ответе на этот вопрос выглядело следующим образом:

Отношение к дальнейшей жизни в Латвии	Женщины		Мужчины	
	граждане ЛР	постоянные жители ЛР	граждане ЛР	постоянные жители ЛР
Высказали желание жить в Латвии	60	66	52	64
Не знают, будут ли жить в Латвии	25	48	26	41
Не связывают свою жизнь с Латвией	2	2	4	10

В результате анализа полученной и обработанной информации автор пришел к следующим выводам.

Материалы исследования подтвердили гипотезу о связи интеграционных процессов в Латвии с актуализацией проблемы собственной национальной идентичности русскоязычного населения, а также выявили комплексный характер национальной идентичности: респонденты отождествляют свою национальную принадлежность с родным языком, языком общения в семье, этническим происхождением, родиной и с другими факторами. Однако первое место среди них отводилось родному русскому языку: в качестве признака своей национальной идентичности его назвали 77,0% респондентов. Языковая принадлежность выступает самым важным фактором национального самосознания молодежи – даже более значимым, чем этническое происхождение (на этот фактор указали 54,0% опрошенных). Поэтому справедливо утверждать, что национальная идентичность русской молодежи проявляется главным образом в языковой форме.

Среди респондентов 115 чел., или 28,8% всех опрошенных, были нерусских национальностей (62 женщины и 53 мужчины). В отношении этой подгруппы респондентов также можно утверждать, что основу их национальной идентичности составляет язык, но при этом они реже, чем этнические русские, отождествляют свое национальное сознание с родным языком (60,9%). Наиболее распространена среди этой подгруппы идентичность с языком семьи – 66,1% (весь массив респондентов – 73,0%).

Меньший отклик у этой подгруппы, чем в целом по массиву респондентов, находят такие признаки идентичности, как «этническое происхождение» – 47,0% (весь массив – 54,0%) и «национальная культура, к которой себя относят, является великой и признанной во всем мире» – 40,9% (весь массив – 53,5%). По другим параметрам характер национальной идентичности этой подгруппы практически не отличается от такового у всего массива респондентов.

Языковая идентичность русскоязычной молодежи не только наиболее распространена в комплексе всех факторов национальной идентичности, но и связывает последние в единую систему, т.е. является базовой для других идентификационных факторов. Так, среди всех респондентов, выделивших русский язык как фактор собственной национальной идентичности, одновременно присутствуют и такие, кто выделил и другие факторы собственной национальной идентичности: 1) язык общения в семье (88,8%); 2) этническое происхождение (88,2%); 3) родина (82,5%); 4) страна нынешнего проживания (89,3%); 5) страна проживания – европейское государство (95,7%); 6) национальная культура, к которой относят себя респонденты, является великой и признанной во всем мире (89,0%); 7) общение с людьми других национальностей (88,3%).

Представление о собственной национальной идентичности по преимуществу как языковой опрошенная молодежь соотносит с проблемой возможного изменения своей национальной идентичности в ходе интеграции в латышское общество и государство на основе латышского языка. Респондентам был предложен следующий вопрос: «Согласны ли Вы с мнением, что овладение в совершенстве латышским языком приведет к понижению интереса к собственному родному языку и культуре?». Большинство опрошенных (59,5%) не согласилось с этим утверждением.

Тем не менее существуют неплохие возможности дополнить национальную идентичность русскоязычной молодежи идентичностью на основе латышского языка. Причем на ту группу респондентов, которая выразила желание овладеть латышским языком в совершенстве, приходится большая доля лиц, не согласных с мнением, содержащимся в вопросе (63,2%). Это же относится и к группе респондентов, которые желают достичь знания латышского языка на разговорном уровне (64,0%). А вот респонденты, не желающие овладевать латышским языком и не решившие, стоит ли учить его, больше подвержены страхам утратить собственную национальную идентичность в ходе языковой интеграции. Из этих опрошенных только 42,9% не согласились с утверждением о зависимости потери интереса к собственным языку и культуре от овладения латышским языком на самом высоком уровне.

В ходе опроса определялись представления респондентов о необходимом (нормативном), по их мнению, уровне владения латышским языком для граждан ЛР, а также характер этих представлений в зависимости от актуальных установок респондентов на изучение государственного языка.

Из всех респондентов, не высказавших явного желания покинуть пределы Латвии (382 чел. из 400 опрошенных), в целом 59,4% выразили желание овладеть латышским языком в совершенстве: 22,5% – только на разговорном уровне; 14,4% еще не сформировали четкой установки по поводу изучения языка и только 3,7% респондентов не желают учить государственный язык. А вот распределение респондентов в зависимости от их представлений о нормативном уровне владения государственным языком для граждан ЛР следующее: 32,7% считают обязательным владение государственным языком в совершенстве; 46,9% признают достаточным разговорный уровень; 5,2% не определились в своем отношении; 15,2% отрицают необходимость владения в совершенстве государственным языком для граждан ЛР. Сопоставление этих данных свидетельствует о том, что доля желающих овладеть государственным языком в совершенстве оказалась значительно выше, чем доля тех, кто считает обязательным владение в совершенстве государственным языком для граждан ЛР (соответственно 59,4 и 32,7%). Столь большая разница в предпочтениях респондентов может быть обусловлена следующими причинами.

1. Проведенное исследование показало, что в сознании русскоязычной молодежи Латвии наблюдается большое различие между актуальными личными ценностными ориентациями и представлениями о нормативных требованиях общества к знанию латышского языка: последние ею явно занижаются.

2. Актуальные мотивы изучения латышского языка в совершенстве, как бы тесно они ни были связаны со статусом гражданина ЛР, все же непосредственно из него не вытекают. Например, среди граждан ЛР, желающих овладеть латышским языком в совершенстве, – 62,1%, а полагающих, что для граждан ЛР знание государственного языка обязательно на самом высоком уровне, – 29,4%. Желание изучать латышский язык мотивируется целым комплексом причин, в котором политическая мотивация не является единственно значимой. Мотивы, руководствуясь которыми респонденты хотят изучать государственный язык, распределились следующим образом: условия предполагаемой в дальнейшем работы указали 79,3%; собственное желание – 70,7%; условия учебы – 58,4%; требования государственных законов – 53,7%; влияние латышского окружения – 41,1%; влияние родителей – 40,6%; необходимость получать информацию по современной науке, технике, политике, культуре – 36,1%; влияние друзей – 33,5%; необходимость иметь полную информацию о Латвии – 32,2%; интерес к латышским средствам массовой информации – 32,2%; интерес к латышской культуре – 26,4%; другие мотивы – 9,2%.

Высокая доля личной заинтересованности в изучении латышского языка подтверждается также ответами на вопрос анкеты: «Что бы ускорило освоение латышского языка прежде всего?». Чаще всего (82,5% всех респондентов) указывалось на собственное желание человека. Но при этом личные мотивы зачастую входят в противоречие с представлениями русскоязычной молодежи о нормативных требованиях в языковой политике. Так, несмотря на то что 79,3% респондентов в качестве самого важного мотива, побуждающего их учить латышский язык, указало на «условия предполагаемой в дальнейшем работы», 57,8% респондентов уверены, что сделать успешную карьеру в Латвии возможно без владения в совершенстве государственным языком.

Представления русскоязычной молодежи о якобы заниженных нормативных требованиях общества к уровню владения государственным языком в деловой сфере могут, к сожалению, снизить у нее стимул к изучению латышского языка.

Социальная функция латышского языка в сознании русскоязычной молодежи находится пока на стадии формирования, причем об этом свидетельствует не только невысокая доля респондентов, владеющих государственным языком в совершенстве. Результаты социологического исследования выявили различные социальные источники, с которыми респонденты связывают, с одной стороны, сохранение в их жизни родного русского языка, а с другой – мотивы изучения государственного языка. Среди указанных источников исключение по соотношению долей желающих выучить латышский или сохранить русский язык составляют следующие: собственное желание человека (выступает как стимул к изучению латышского языка у 70,7% респондентов, к сохранению русского языка – у 77,2%); условия учебы (латышский язык – 58,4%, русский язык – 64,9%).

В то же время представления о других социальных источниках сохранения и изучения латышского и русского языков в сознании русскоязычной молодежи носят амбивалентный характер: влияние родителей (латышский язык – 40,6%, русский язык – 84,8%); влияние друзей (латышский язык – 33,5%, русский язык – 81,8%); требования государственных законов (латышский язык – 53,7%, русский язык – 19,1%); интерес к латышской культуре (латышский язык – 26,4%) и влияние художественной литературы на родном языке (66,0%); интерес к латышским средствам массовой информации (32,2%) и влияние газет и журналов на русском языке (56,5%), телевидения из России (61,5%).

За общими показателями отношения всей русскоязычной молодежи к основным особенностям языковой интеграции в Латвии скрываются довольно специфические отно-

шения к этой интеграции различных групп респондентов. Автор выявил различие в отношении к интеграции следующих групп русскоязычной молодежи: женщины и мужчины; граждане ЛР и ее постоянные жители; высказавшие желание в дальнейшем жить в Латвии и еще не решившие, будут ли они и в дальнейшем жить здесь.

Из выделенных шести подгрупп респондентов, как правило, граждане ЛР, женщины и решившие связать дальнейшую жизнь с Латвией проявляют большую по сравнению с остальными подгруппами респондентов готовность к интеграции на основе латышского языка. Вот, например, как распределились ответы респондентов на вопрос анкеты: «Собираетесь ли Вы овладеть латышским языком в совершенстве?». Граждане ЛР, составляющие 42,3% всех респондентов, в то же время составили 45,7% группы, ответившей на предложенный вопрос утвердительно. Постоянные жители ЛР (57,7% респондентов) составили 72,2% группы, ответившей на этот вопрос отрицательно. Желающие жить в Латвии (63,4% респондентов) составили 74,0% группы, ответившей утвердительно. Те, кто еще не решил, что свяжет свою жизнь с Латвией в дальнейшем (36,6% респондентов), составили 42,9% группы, ответившей отрицательно. Женщины (52,0% респондентов) составили 57,3% группы, ответившей утвердительно. Мужчины (48,0% респондентов) составили 78,6% группы, ответившей отрицательно.

По вопросу о стимулах к изучению латышского языка в группе «лидеров» оказались граждане ЛР и женщины, а в группе «аутсайдеров» – постоянные жители Латвии и мужчины. Группы желающих жить в Латвии и еще окончательно не определившихся по этому вопросу не проявили расхождения во взглядах. Особо большие различия между группами «лидеров» и «аутсайдеров» обнаруживаются в отношении к таким стимулам, как «интерес к латышской культуре», «интерес к латышским средствам массовой информации», «необходимость иметь полную информацию о Латвии». Эти стимулы не выражают непосредственного давления языковой политики государства на русскоязычную молодежь и больше связаны с ее мировоззренческими установками. Например, в качестве стимула к изучению латышского языка «влияние латышской культуры» отметили 32,5% женщин и 19,8% мужчин; «необходимость иметь полную информацию о Латвии» – 40,4% женщин и 22,8% мужчин; «интерес к латышским средствам массовой информации» – 38,9% женщин и 23,4% мужчин.

Разделение респондентов на «лидеров» и «аутсайдеров» по вопросу об интеграции в латышское общество на основе латышского языка прослеживается и в отношении к проблеме возможного изменения своей национальной идентичности в ходе такой интеграции. Так, доля женщин, согласившихся с утверждением, что «изучение латышского языка на самом высоком уровне приведет к понижению интереса к собственному родному языку и культуре», составила 7,0%, не согласившихся – 64,4%; мужчин соответственно – 13,7 и 53,9%. При этом среди женщин больше, чем среди мужчин, развито собственное национальное самосознание: так, родной язык в качестве важнейшего фактора собственного национального сознания отметили 80,3% женщин и 73,6% мужчин, язык семьи – 75,4% женщин и 70,6% мужчин.

Русский язык как родной язык для значительной части молодежи Латвии выступает важнейшим фактором национального самосознания, через который вырабатывается отношение к процессам интеграции в латвийское общество и государство. Социологическое исследование, проведенное автором настоящей статьи, выявило следующие особенности влияния родного русского языка на эти процессы.

1. Существует тесная взаимосвязь между актуализацией интеграционных процессов в обществе и государстве и актуализацией национального самосознания национальных меньшинств.

2. Среди всех видов актуализированных ценностей национального самосознания в качестве ведущей выступает именно языковая идентичность.

3. Развитая языковая идентичность национальных меньшинств в целом способствует толерантному отношению к интеграции в общество и государство на основе неродного государственного языка.

4. Развитая языковая идентичность национальных меньшинств актуализирует мотивы интеграции в общество на основе неродного государственного языка также при содействии факторов, непосредственно не связанных либо слабо связанных с национальной идентичностью.

V. V o l k o v. The Place of the Mother-Tongue of the Russian-language Youth in the Integrational Processes in Latvia

On the basis of a conducted sociological survey the article's author shows that the policy of integrating the Russian-language youth into Latvian society should rest on the creation of conditions to realize multiform functions of the mother-tongue of the Russian-speaking young people of Latvia.